

2 сентября 1978 г.

СУББОТНИЕ ВСТРЕЧИ

Когда раздвигается занавес и хрустальные бра наполняются медленным тусклым свечением, видишь, что прикреплены они к стенам простой крестьянской избы и совсем яснополянские деревья смыкают над ней свои кроны. Открывается дверь: на сцене легко и скоро, как человек, привыкший много ходить по земле, появляется Лев Николаевич Толстой... Так начинается в Малом театре спектакль «Возвращение на круги своя», поставленный режиссером Б. Равенских по пьесе И. Дружб. И в главной роли — народный артист СССР, Герой Социалистического Труда Игорь Владимирович Ильинский.

...Мы сидим с Игорем Владимировичем на террасе дачи. Мелкий серый дождь шелестит за окном, настраивая на разговор тихий, неторопливый. Ильинский — рассказчик великолепный! Вот он вспоминает о работе в театре Мейерхольда, о встречах с Маяковским, о любимых ролях в пьесах Островского и Гоголя. А кино? «Волга-Волга», «Карнавальная ночь», двадцать пять ролей в телевизионном фильме «Эти разные, разные, разные лица»... Всего не перечислишь. Но самая дорогая для каждого артиста роль — последняя. И Игорь Владимирович возвращается к новой работе в Малом театре:

Игорь ИЛЬИНСКИЙ:

«ДОЙТИ ДО САМОЙ СУТИ»

— Два года назад, когда мне предложили сыграть в театре самого Льва Толстого, сложные чувства овладели мною. Я страшился этой роли и в то же время ощущал, что готовился к ней целую жизнь. Нет, я, конечно, не предвидел, что когда-нибудь буду играть Толстого. Но по тому, как страстно мне всегда хотелось читать его прозу, зная в его пьесах, можно было понять: гениальный художник никогда не уходил из моего сердца. И я стал читать его «Детство» и «Отрочество», хотя для этого мне пришлось преодолеть и внутренние сомнения — не мое амплуа! — и убеждение окружающих, что лучше всего мне удаются рассказы Чехова... Любимым отрывком, который я до сих пор с наслаждением читаю своим слушателям, стала поэтическая глава из первой части толстовской трилогии: «Счастливая, счастливая, невозвратимая пора детства!»... А потом была роль Акима из «Власти тьмы», задавленного нуждой крестьянина, но твердо верящего в то, что жить нужно по совести. Его протест, его борьба за совесть человеческую были протестом и борьбой самого Толстого. Понимая, чувствуя это, я приступил к работе над образом великого писателя.

— Но как же проникнуть в «святой святых» другого человека? Тем более что человек этот — Толстой?

— Постигание чужой души идет через свою душу. Я искал внутренних духовных связей с Толстым. Кто не помнит слова писателя, сказанные им о чеховской «Душечке»: «Чехов хотел посмеяться над Душечкой, но бог поэзии не позволил ему этого». Я чувствовал особую радость от того, что отношение Толстого к этому рассказу совпало с моим. Или «Сон Попова» Алексея Константиновича Толстого. Еще в тридцатые годы я включил его в свою литературную программу. А потом, уже много лет спустя, узнаю, что Лев Николаевич очень любил это произведение и не один раз читал его своим близким в Ясной Поляне... Конечно, поисками духовных эквивалентов не ограничивалась моя долгая работа над образом. Главное — чтение самого Толстого, размышление над его книгами, письмами, дневниками. Находясь под обаянием этой титанической личности, ежедневно возвращаясь к его делам, его заботам, к его вере и его безверию, я незаметно для самого себя проникался идеями Толстого, они неволь-

но становились в какой-то мере и моими. Такова притягательная сила гениального писателя... И вот я почувствовал однажды, как совсем по-толстовски — не выставляя вперед ни одного пальца, горсточкой — беру перо. А ведь раньше сама рука мешала мне, мешала мысль: как сделать руку Толстого? Как показать, что пишет Толстой?..

Не то, чтобы я пробовал ремесленнически копировать. Я не был «мастерщиком». Я только ближе подошел к гиганту, ощутил, что «есмы он». И мне стало легче. Вот уже и молчать я мог, и негодовать... Хочу ли я сказать этим, что вполне постиг внутренний мир писателя? Нет. Толстой недостижим. Но сама попытка приближения к его величию — разве это не дерзкая и не благородная мечта?

— Ваше внешнее сходство в роли с Толстым поразительно. Наверное, в ходе подготовительной работы вы просмотрели немало фотографий, кинокадров, оставшихся потомкам облик Льва Николаевича?

— Все это было. Но таило в себе большую опасность. Перебирая фотографии, изучая жесты, движения, походку Толстого, я, конечно, обрастал бесчисленными деталями, но мог и безнадежно запутаться в мельчайших подробностях внешней похоти. Есть воспоминания о Владимире Лопатине, который загрифовался под Толстого, и все ему кланялись. Но это внешнее сходство — ничто, по-моему, без внутреннего. Работая над образом писателя, я отчетливо понял: самое главное для всякой роли — жизнь духа. Внешние формы, мастерство в передаче деталей не должны превалировать над работой мысли. Иначе они заслонят мысль — и возникнет штамп, клише, тиражированный образ...

А грим нужен! Мне предлагали играть без него — я отказался. Ведь не ставлю же я знака равенства между Толстым и Ильинским... Но вот не загромождать гримом лица — это да. Глаз не затенять. Глаза мои могут стать глазами Толстого, если мне удастся дойти до самой сути его характера, его мировоззрения.

— Сотни книг, исследований посвящены Толстому. Одна пьеса не могла вобрать в себя все богатство и всю противоречивость натуры великого художника...

— Мы прошли через целый ряд «нельзя». Приходилось — по Родену — все лишнее, не дающее полноту образа и раз-

жижающее его, отсечь. Нравительство? Сила чувства? Поза? — невозможно. Не простота великая, а простота простенькая? Показывание своей мудрости? — не годится. Годится и спасти может только духовный мир писателя. Ох, какие трудные орешки попадались на этом пути! Ведь по сути в пьесе жили, разговаривали, действовали три человека, слившиеся в одном: старый писатель, доживающий последние дни, «Толстой», размышляющий для себя, ведущий бесконечные споры с самим собой и с целым миром, и «Толстой создающий», Толстой-творец, даже перед лицом смерти томимый жаждой работы...

Сейчас, когда спектакль несколько раз сыгран и первая горячка работы осталась позади, можно оценить его не только в деталях, но и в целом. Мы не задавались целью создать всеобъемлющий образ Толстого. Я благодарен случаю, что прикоснулся к этому великому человеку. И счастливы, если получилось хотя бы малое из задуманного.

— Я была на спектакле и видела зрителей, которые ушли потрясенными...

— А я видел, как слушатель зал пьесу, как внимательно относится ко всем мыслям, ко всем суждениям Толстого (я это не к игре своей отношу, а именно к мыслям Толстого). И убежден: в душе зрителя живет настоящее желание поразмышлять над сложными философскими, нравственными проблемами. Какую же пищу для ума дают мучительные противоречия, искания этого необыкновенного человека! И как современно все то, что он говорит нам, сегодняшним: «Чтобы жить честно, надо рваться, путаться, биться, ошибаться, начинать и бросать и опять начинать и опять бросать, и вечно бороться и лишаться. А спокойствие — душевная подлость». И в нашей жизни самое страшное это — равнодушие. Но истинное знание — всегда самостоятельное. Так говорит Толстой. Нельзя принуждать силой думать человека, как кто-то другой. Размышление и выбор — дело достойных. Если наш последний спектакль прибавляет людям достоинства, цель его достигнута.

Выхожу на улицу: дождь кончился, в сыром воздухе — запахи осени. Я медленно иду к электричке, стараясь удерживать в памяти голос артиста, приближавшего к нам образ великого писателя.

И. МЕДВЕДЕВА.

